

УДК: 271.2(47+57)(092)

*Заливалова Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Zalivalova Lyudmila Nikolaevna,
candidate of historical Sciences, associate Professor,
Kostroma state University, Kostroma*

zalivalova@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
ЕВГЕНИЯ ЕВСИГНЕЕВИЧА ГОЛУБИНСКОГО
TO THE QUESTION OF CREATIVE HERITAGE
EUGENE EVSTIGNEEVA GOLUBINSKI**

Статья посвящена малоизученной проблеме роли церковных историков в изучении духовной культуры России. В ней освещен вопрос историографических взглядов Е. Е. Голубинского на период истории культуры Древнерусского государства.

The article is devoted to the little-studied problem of the role of Church historians in the study of spiritual culture of Russia. It highlights the issue of historiographical views of E. E. Golubinsky on the period of cultural history of the old Russian state.

Духовенство, Костромская губерния, церковь, церковная история.

Clergy, Kostroma province, Church, Church history.

Возрождение в России духовной традиции как одной из важнейших опор государственности – насущная задача и научного сообщества. В XIX – начале XX века изучением русской культуры занимались ученые университетов и специалисты в области богословских наук. По истории дооктябрьского богословия за последние два десятилетия появилось много новых материалов. Это актуализировало для современной историографии задачи уточнения и (или) пересмотра имеющихся оценок творческого наследия представителей русской церковно-исторической науки.

В текущем году исполнилось 185 лет со дня рождения Евгения Евсигнеевича Голубинского (1834–1912) – академика Императорской Академии наук, профессора Московской духовной академии, автора многих исследований по русской и славянской истории Церкви, уроженца Костромской губернии [1]. Кратко осветив биографию ученого, обратим внимание на некоторые особенности его научных взглядов.

Евгений Евсигнеевич Голубинский – сын священника Е.Ф. Пескова, родился в 1834 году в селе Матвеево Кологривского уезда Костромской губернии. Фамилию «Голубинский» отец выбрал для сына в честь известного богослова и философа Ф. А. Голубинского – также уроженца Костромской губернии. На-

чальное образование Евгений получил в Солигаличском приходском духовном училище и Солигаличском уездном духовном училище (1842–1848 гг.), затем учился в Костромской духовной семинарии (1848–1854 гг.). Как один из лучших выпускников был направлен для продолжения образования в Московскую духовную академию, выдержал вступительный экзамен и был зачислен «на казенный счет» (т. е. обучение за счет государства). После окончания академии (1858 г.) Евгений Евсигнеевич защитил работу на степень магистра богословия и затем работал там многие годы в качестве преподавателя, профессора и на других должностях до своего выхода в отставку (1895 г.)¹.

Для исторической реконструкции социо-культурологической обстановки, в которой начала формироваться личность будущего ученого, имеют значение две группы документов. Это воспоминания самого Евгения Евсигнеевича, насыщенные яркими бытовыми подробностями и архивные материалы, собранные и изученные Н. И. Серебрянским [3]², которые освещают условия пребывания и обучения Голубинского в духовном училище и семинарии. Новый этап в биографии будущего знаменитого историка – постижение системы научного знания в Московской духовной академии. Вхождение провинциала в академическую корпорацию проходило не гладко, но как отмечали современники, здесь ему покровительствовал профессор А. В. Горский, выдающийся ученый, богослов и историк. После окончания академии Евгений Евсигнеевич много лет входил в состав московской церковной профессуры, особенности которой в историографии изучены сейчас недостаточно. Однако достаточно лишь назвать несколько имен его современников (Макарий – митрополит Московский, А. В. Горский, В. О. Ключевский и А. П. Лебедев – коллеги, профессора академии), чтобы увидеть, сколь высоким был уровень гуманитарного знания, которое окружало ученого. А. А. Платонов, автор большой статьи о Голубинском, содержащей немало новых подробностей биографии, справедливо обращает внимание на необходимость пристального изучения мировоззрения ученого с использованием современных методик и привлечением всего комплекса публикаций и архивных материалов [8, с. 22,23].

Е. Е. Голубинский – автор 70 исследований, преимущественно по церковной истории, а в свои последние годы – статей о возможных реформах в церковной жизни. Фундаментальный труд – «История Русской Церкви» (1880 г.; 1881 г.) – Евгений Евсигнеевич представил на соискание ученой степени доктора богословия в декабре 1880 года и через полгода после докторского диспута, несмотря на препятствия, ее получил. Poleмика, возникшая в научной среде в связи с некоторыми выводами и концепцией, представленными в этом исследовании, при его жизни как бы «затеняла» значение для русской историографии других крупных трудов ученого: «Краткий очерк истории православных церк-

---

¹ Более подробно биографические материалы об ученом представлены: представлены в библиотеке А. Платонова [2].

² Н. И. Серебрянский слушал лекции Е. Е. Голубинского в Московской духовной академии. В 1914–1916 гг. он жил в Костроме, преподавал в Костромской духовной семинарии. О судьбе самого Н. И. Серебрянского см.: Зонтиков Н. А. Один из последних: Н. И. Серебрянский // Библиотека протоирея Дмитрия Сазонова. – URL : <http://sazonov.ru/almanakh-svetoch/item/12-odin-iz-poslednikh-n-i-serebryanskij>.

вей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской» (1871 г., на собственные средства автора); «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра» (1892 г.); «История канонизации святых в Русской Церкви» (1894 г.).

Труды Е.Е. Голубинского показывают отличительные черты его как исследователя: знание, естественно, богословских наук, широчайшая эрудиция в истории, глубокие знания и умение использовать данные источниковедения, лексикографии, славяноведения и других исторических дисциплин для решения поставленной задачи. «Фактическая компетентность (Голубинского) была прямо изумительна по всякому – даже мельчайшему – вопросу... он старался не говорить ни слова без документальной опоры» – отмечал Н. Н. Глубоковский [6]. Примечательно, что членом-корреспондентом Императорской Академии наук Евгения Евсигнеевича избрали по разряду историко-политических наук (1882 г.), а ординарным академиком – по отделению русского языка и словесности (1903 г.).

Историю русской церкви Голубинский задумал писать еще в годы учебы в академии [8, с. 7], решившись начать с освещения периода IX–XIII вв., о котором в историографии того времени были весьма смутные представления. Задачи, им поставленные, соответствовали традициям первой половины XIX века: воссоздание истории русской церковной жизни и ярких образов церковных деятелей. Однако энергичные усилия в деле поиска новых источников, современной эпохе изучения, не приносили желаемого результата. Русская церковная история до XIII века, позже констатировал историк, – «состоит из трех каталогов: митрополитов, епископов и каменных церквей» [4]. А если нет сведений о митрополитах, «если вообще совсем ничего о них неизвестно, то понятно, что ничего нельзя сказать об их деятельности и что невозможно нарисовать их портреты как живых и нравственно-индивидуальных людей» [5, с. 3].

Выход из столь сложной ситуации Евгений Евсигнеевич нашел в том, чтобы, во-первых, осуществить критический анализ всех известных русских памятников церковной истории с широким привлечением новых материалов, разработкой которых занималась светская наука русская и зарубежная. Во-вторых, решил прибегнуть к комбинации методов исследования: сравнительного, метода заключения по аналогии и экстраполяции. Их перекрестное сопоставление позволило ученому осуществить историческую реконструкцию русской церковной истории домонгольского периода. Во время докторского диспута и много позже коллеги Голубинского высоко оценивали научную основу его работы, богатство собранных им источников. Однако и методы исследования, и некоторые выводы автора не были одобрены академическим руководством, вызвали резкие критические замечания коллег, упреки в «новаторстве», которое не соответствует самой цели и задачам церковной историографии.

Современники критиковали Голубинского за частое обращение к ретроспекции, за то, что переносит явления настоящего времени в прошлое. На это Голубинский отвечал: «...иногда прошедшее еще продолжает более или менее оставаться настоящим», а «история объясняет причины, как произошли недостатки сегодняшнего дня» [5, с. 9]. Действительно, необоснованные сопоставления исторических явлений и их расширенное истолкование имеют место. Одна-

ко нельзя забывать о скудости источниковой базы и методе исторической реконструкции, используемом ученым. Этот метод сам по себе, при отсутствии у Голубинского достоверных фактов, буквально вынуждал его обращаться к факту церковной жизни более позднего времени и, опираясь на собственный опыт, на свои наблюдения воспроизводить явления периода средневековья. Исторические источники были важны для него как источник информации, он разделил их «на три класса: письменные, вещественные и (если дело идет о народах живых, не вымерших) представляемые живой жизнью» [4].

В личности Голубинского способность и умение строгого историка-исследователя искать факты и осуществлять их анализ сочетались с талантом публициста. Там, где у других ученых имеются «одни голые свидетельства из документов, у него (Голубинского) воскресает прошлая жизнь в чертах живой конкретности» и «мы не только видим исторические факты, но и понимаем их, а это – цель истории», – писал А. В. Карташев [7]¹ о своем учителе по академии. Однако в историографических обзорах имеет место и отрицательное отношение авторов к публицистической манере изложения Голубинского. Также критики не обошли вниманием такие отличительные особенности индивидуальной манеры Евгения Евсигнеевича как резкость выражений, преобладание собственной точки зрения. Он был убежден, что цель историка – восстановление исторической истины, что исследование необходимо вести беспристрастно и, если это имело место, то вывод исторически достоверен. В речи на докторском диспуте Евгений Евсигнеевич сказал, что в том случае, когда церковный и светский историк изучают одно и то же явление, возможно, что церковный историк согласится с выводом историка светского [5, с. 5]. Однако задачи церковного историка определяла официальная церковная власть, они отличались от задач светской историографии. Это высказывание и ряд других заявлений и выводов, не соответствующих официально утвержденным в богословской академической среде, осложняли научную деятельность историка.

Осуществляя историческую реконструкцию первоначального периода церковной истории русской церкви Е. Е. Голубинский не мог обойти вниманием проблему христианизации населения. В современной ему литературе принятие христианства освещалось неоднократно. Используя, чаще всего, немногочисленные произведения древней русской литературы, авторы подчеркивали успехи просветительской деятельности князей - государственной власти, быстрое и широкое распространение христианской идеологии среди населения. У Евгения Евсигнеевича представлен скрупулезный анализ ряда новых источников и также дана блестящая характеристика князя Владимира и преемников.

Относительно специфики процесса христианизации ученый сделал нетрадиционные заключения. Впервые в труде русского церковного историка представлены выводы, что византийское христианство на территории русского государства подверглось процессу упрощения, адаптации к пониманию верования массой народа. Сначала христианская вера князя вводили на землях

---

¹ Также научное наследие Е. Е. Голубинского рассматривали Н. Н. Глубоковский, прот. Г. Флоровский и другие представители русской церковно-исторической школы.

«русских», то есть со славянским населением, и затем медленно шло ее распространение среди других народов. Особенностью повседневной жизни русской средневековой церкви, по мнению Голубинского, было преимущественное внимание духовенства и паствы к церковной обрядности и «наружному благочестию», а не глубоко осознанная и понятная вера. По терминологии Евгения Евсигнеевича с древних времен и до Петра I вместо «просвещения» вероучением «мы имеем одну только грамотность».

Изучая положение духовенства в домонгольский период, ученый обращал внимание на неоднородность состава этого сословия. В среде духовенства были немногочисленные выходцы из бояр, миряне, видевшие преимущества духовной карьеры и греки, прибывшие из Византии. Уровень богословских знаний выше у боярских детей, чем у мирян, а наиболее образованные – духовные лица из числа приезжих византийцев, получивших на родине теологическое образование. Это обстоятельство затрудняло сплочение сословия и также является причиной разного понимания и интерпретации греческих богослужебных книг, которые использовались в повседневной практике церковной жизни. Искусственный «книжный» язык христианской литературы был понятен только людям глубоко образованным, но основная масса духовенства и народа могла читать, но не могла «осилить» истинный смысл христианского вероучения.

В таких условиях, по глубокому убеждению Голубинского, только власть, государство своими усилиями меняло ситуацию. Раздробленность средневековой Руси явилась тормозом в процессе христианизации народных масс и только при Петре I, благодаря помощи центральной власти, положение меняется. Отметим, что Евгений Евсигнеевич был одним из немногих убежденных сторонников положительной оценки церковных реформ Петра I, что негативно отразилось на его личной судьбе при жизни и оценках научных заслуг в историографии.

Историческая картина событий жизни русской церкви, представленная в труде Евгения Евсигнеевича Голубинского, основана на информации, полученной путем критики известной ему массы источников. Выводы и замечания ученого, содержащиеся в его трудах, естественно не все актуальны. Но поучительно и в наше время разнообразие источниковой базы, привлеченной для решения поставленной задачи, сохраняет актуальность прием комбинации методов изучения, перспективны для исследователей некоторые намеченные учебными задачами. Исследователь, по существу, заложил традицию возможности исследования средневековой исторической жизни русской церкви в контексте сравнительной истории христианства и христианской церкви. Время распорядилось так, что сохранение и развитие этой традиции стало делом немногих представителей светской советской исторической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богданов А. И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Православная энциклопедия. – URL : [http:// www.pravene.ru/text/165317.htm](http://www.pravene.ru/text/165317.htm); Платонов А. А.

Академик Евгений Евсигнеевич Голубинский – церковный историк и человек // Отечественные архивы. – 2003. – № 3. – С. 20–28.

2. Библиотека «Голубинский» // Гуманитарная библиотека Андрея Платонова. – URL : [http:// www.golubinski.ru/golubinski/eeg.htm](http://www.golubinski.ru/golubinski/eeg.htm).

3. Голубинский Е. Е. Воспоминания. – Кострома, 1923. Переиздано с сокращениями – в кн.: Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. – М., 1998.

4. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви // Азбука веры : православный интернет-портал. – URL : [http:// azbuka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi](http://azbuka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-russkoj-tserkvi).

5. Голубинский Е. Е. Речь перед докторским диспутом // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. – URL : [http:// www.odinblago.ru/golubinskiy](http://www.odinblago.ru/golubinskiy).

6. Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии // Золотой Корабль : православная библиотека. – URL : [http:// www.golden-ship.ru/_ld/19/1952_1579.html](http://www.golden-ship.ru/_ld/19/1952_1579.html).

7. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т 1. – М. : Терра, 1993. – С. 32.

8. Платонов А. А. Академик Евгений Евсигнеевич Голубинский – церковный историк и человек // Отечественные архивы. – 2003. – № 3. – С. 20–28.